

A close-up portrait of a person wearing an elaborate black lace mask. The mask features intricate patterns and a central vertical ornament with a pink gem. The person's eyes are a vibrant purple. Large purple roses are positioned around the head, with one prominently on the left and another at the bottom center. The background is dark and out of focus.

Сергей Патрушев

*Маска
Смерти*

Сергей Патрушев

Маска Смерти

<https://litres.ru/74333634>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодая травница Лиара прибывает в Морвен — город, расколотый между золочёными шпилями Верхнего квартала и зловонными трущобами у реки. Она ищет разгадку смерти отца, но находит в древних катакомбах чёрную маску, способную стирать грань между жизнью и тлением.

Артефакт пробуждает в Лиаре тёмную силу, которая карает обидчиков, но требует платы — виновных душ. Пока королевский маг-инквизитор идёт по её следу, а обезумевший король, завладев маской, обрекает город на гибель, Лиара должна решить, кем она станет: орудием возмездия, жертвой проклятия или той, кто разорвёт древний круг тьмы.

Содержание

Глава 1. Врата Морвена	4
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Патрушев

Маска Смерти

Глава 1. Врата Морвена

Дорога, извиваясь, словно издыхающая змея, последний раз выползла из цепких объятий чахлого, искорёженного северными ветрами леса, где кривые стволы деревьев, покрытые мхом и лишайником, напоминали скрюченные пальцы мертвецов, тянущиеся к небу в немой мольбе, и устремилась вниз, к реке, где в туманной, зыбкой дымке, сотканной из испарений гниющих болот и дыхания самой земли, проступали очертания Морвена — города, чьё имя она впервые услышала ещё в детстве, сидя на коленях у отца, и чьи мрачные легенды с тех пор неотступно преследовали её воображение, подобно навязчивому кошмару, от которого невозможно пробудиться. Лиара остановила усталую, измученную долгой дорогой лошадь, чьи бока тяжело вздымались от усталости, а из ноздрей вырывались облачка горячего пара, мгновенно растворяющиеся в промозглом, пропитанном влагой воздухе, и дала себе короткую передышку, позволяя взгляду впервые охватить целиком тот город, о котором она столько размышляла, столько спорила и столько слышала в рассказах

отца, чей голос, надломленный болезнью и разочарованием, до сих пор звучал в её памяти, словно эхо далёкого колокола, возвещающего о приближении чего-то неотвратимого.

Рассказы эти, приправленные тоской по утраченному величию, по тем временам, когда их семья занимала достойное место среди учёных мужей и целителей, и желчью несбывшихся надежд, которые рушились одна за другой, словно карточные домики под порывами безжалостного ветра судьбы, рисовали в её воображении место, где древняя мудрость спорит с людской алчностью, где камень мостовых помнит поступь королей и стоны еретиков, сжигаемых на площадях, и где за каждым углом притаилась тень, готовая поглотить неосторожного путника. Реальность же, представшая перед ней с этого продуваемого всеми ветрами холма, оказалась куда более суровой, куда более откровенной в своей неприглядности и куда более пугающей, чем все те истории, которые она слышала раньше.

Морвен не был прекрасен, и это было первое, что она поняла, глядя на раскинувшуюся перед ней панораму. Он был огромен, невероятно огромен, тяжёл и болен, словно древнее чудовище, поражённое неизлечимым недугом, которое, несмотря на свою немощь, всё ещё способно внушать ужас одним своим видом. Город распластался по обоим берегам мутной, свинцово-серой реки, которую местные на-

зывали Тарной, и казался гигантским каменным наростом, злокачественной опухолью на теле истерзанной, измученной земли, которая, казалось, стонала под его непомерной тяжестью. Первое, что бросилось в глаза и что невозможно было не заметить, — это стены. Они были чудовищны, поистине чудовищны в своём циклопическом величии. Не просто высокие, а непомерные, давящие на само небо, словно стремились продавить его своей каменной массой, сложенные из почерневшего от времени, копоти и бесчисленных пожаров камня, грубого, шершавого, циклопической кладки, какую не встретишь в постройках нынешнего века, ибо секреты древних строителей были утрачены вместе с их создателями. Стены эти не сулили защиты, они грозили пленом, и это ощущение возникало мгновенно, стоило лишь бросить на них первый взгляд. Они вздымались над рекой, над крышами домов, над самой жизнью, отсекая город от остального мира, и, казалось, даже ветер, свободный, не знающий преград ветер, не мог свободно перелететь через их зазубренные, словно обглоданные зубами неведомого исполина, верхушки, увенчанные кое-где полуразрушенными сторожевыми башенками, которые выглядели столь же древними, как и сами горы на горизонте.

Над этими стенами, пронзая низкое, затянутое тяжёлыми, точно грозовые тучи, хотя дождя не было и в помине, облаками, небо, вздымались башни Верхнего города, и их вид вы-

зывал одновременно восхищение и смутную, необъяснимую тревогу. Их шпили, крытые позеленевшей от времени медью и потускневшим, утратившим свой блеск золотом, казались не творением рук человеческих, не результатом кропотливого труда каменщиков и архитекторов, а окаменевшими клыками некоего исполинского зверя, увязшего в трясине городской застройки и медленно, но неотвратимо погружающегося в неё всё глубже и глубже. Они мерцали в редких, случайных просветах туч холодным, хищным, каким-то неживым блеском, который не согревал, а лишь подчёркивал общую мрачность пейзажа, и этот блеск был единственным светлым пятном в раскинувшейся внизу панораме, но и он казался не светом надежды, а скорее отблеском лезвия ножа, занесённого над чьей-то шеей.

Взгляд Лиары, медленно скользящий по открывшейся перед ней картине, опустился ниже, к подножию стен, туда, где к реке жались кварталы, которые невозможно было спутать с обиталищем знати, и это зрелище заставило её сердце сжаться от какого-то смутного, необъяснимого страха. Это было царство кривых, покосившихся крыш, крытых гнилой, почерневшей от сырости соломой и ржавым, издающим жалобный скрип при каждом порыве ветра железом, лабиринт узких, тёмных щелей-улиц, сползающих к воде, словно змеи, ищущие укрытия в мутных глубинах, где водились, как говорили, не только рыбы, но и твари пострашнее. Оттуда, да-

же с такого расстояния, поднимался, казалось, не просто запах, а сама атмосфера упадка и разложения, густая, осязаемая, почти материальная смесь гниющего дерева, сырой земли, нечистот, выплеснутых прямо на улицы, и безысходности, той самой безысходности, которая въедается в стены домов и в души людей, делая их серыми и покорными. Дым от сотен, а может быть, и тысяч очагов, в которых горели сырые дрова и какой-то мусор, не поднимался вверх, как ему положено, а стелился над этим хаосом, смешиваясь с туманом от реки, образуя удушливую, ядовитую пелену, которая окутывала нижнюю часть города, словно саван, скрывая от посторонних глаз все его язвы и раны.

Контраст между этими двумя мирами, между золочёными шпилями, парящими в недостижимой высоте, и зловонными трущобами, утопающими в грязи у подножия стен, был настолько разителен, настолько откровенен в своей жестокости и бескомпромиссности, что у Лиары на мгновение перехватило дыхание, а к горлу подступил комок, который она с трудом проглотила. Богатство, вознесённое на вершину холма, и нищета, утопающая в грязи у его подножия, — здесь это была не социальная несправедливость, не печальное следствие дурного управления, а, казалось, некий архитектурный принцип, незыблемый закон, положенный в основу самого мироздания, на котором строился весь город и от которого невозможно было укрыться ни в одном из его уголков. Этот

контраст был настолько явным, настолько кричащим, что казался нарочитым, словно кто-то специально создал его для того, чтобы каждый житель Морвена, просыпаясь по утрам, видел перед собой и вершину, к которой следует стремиться, и бездну, в которую можно упасть в любой момент.

Она поправила капюшон дорожного плаща, хотя ветра почти не было, и это движение было скорее инстинктивным, подсознательным желанием укрыться, спрятаться от этого давящего, угнетающего зрелища, и тронула поводья, направляя лошадь вниз по склону, навстречу городу, который, казалось, уже протягивал к ней свои невидимые щупальца, пытаясь уловить её страх и неуверенность. Дорога, разбитая тысячами колёс, подкованных копыт и тяжёлых сапог, превратилась в сплошное месиво из липкой, чавкающей грязи и острых, торчащих из неё камней, о которые лошадь то и дело спотыкалась, жалобно всхрапывая. Чем ближе она подъезжала к городу, тем сильнее становилось зловоние, тем громче звучал в ушах низкий, непрерывный, вибрирующий гул, похожий на гудение гигантского улья, потревоженного чьей-то безжалостной рукой. Это был шум тысяч людей, животных, повозок, кузниц, рынков, криков и стонов, — шум, который не затихал здесь никогда, ни днём, ни ночью, и который, казалось, был частью самой атмосферы, как туман или сырость. Воздух становился тяжелее, гуще, он словно обретал плотность и вес, напитываясь сыростью, дымом и чем-

то ещё, неуловимым, каким-то животным страхом, который источали, казалось, сами камни мостовой, отчего невольно сжималось сердце и хотелось повернуть назад. Словно сам Морвен источал этот гул и этот запах, как больное, умирающее существо источает жар и смрад своего разложения.

Главные ворота, к которым вела дорога, назывались Вратами Морвена, и они вполне соответствовали своему названию, ибо были не просто входом в город, а настоящим порталом в иной, чуждый и враждебный мир. Это была не просто арка в стене, а целое укреплённое сооружение, настоящая крепость в миниатюре, с опускающей решёткой из толстенных, покрытых ржавчиной и запёкшейся кровью железных прутьев, каждый из которых был толщиной с руку взрослого мужчины, с бойницами, смотрящими на подъезжающих чёрными пустыми глазницами, из глубин которых, казалось, за каждым движением следили невидимые глаза, и с привратными башнями, наверху которых развевались тяжёлые, намокшие от сырости знамёна с гербами Морвена, чьи очертания невозможно было разглядеть из-за постоянного движения влажного воздуха. Очередь из повозок, всадников и пеших путников растянулась на добрую сотню ярдов, напоминая извивающуюся змею, медленно ползущую к пасти каменного чудовища, и Лиара, подъехав ближе, встала в её хвост, терпеливо ожидая своей участи, хотя терпение никогда не было её сильной стороной.

В очереди стоял разношёрстный люд, представляющий собой все слои общества, кроме разве что самых высших, которые попадали в город через иные, менее людные ворота. Здесь были крестьяне с телегами, гружёнными сеном, мешками с мукой, битой птицей и глиняной посудой, угрюмые возчики, чьи лица были столь же серы, как и их холщовые рубахи, торговцы в добротных, но пыльных, покрытых дорожной грязью плащах, нервно сжимающие в руках свои кошельки, паломники с посохами и потухшими, утратившими всякую надежду взглядами, и какие-то оборванцы, зыркающие по сторонам с плохо скрытой тревогой и готовые в любой момент исчезнуть в толпе. Все они двигались медленно, словно преодолевая невидимое сопротивление воздуха, словно каждый шаг вперёд давался им с огромным трудом, и в этом их движении чувствовалась какая-то обречённость, какое-то понимание того, что они входят в место, откуда не всем суждено вернуться. Лиара краем уха слушала обрывки разговоров, которые доносились до неё сквозь общий шум, — в основном это были жалобы на дороговизну, на дурную погоду, которая никак не наладится, на то, что в городе снова беспокойно и что стража лютует пуще прежнего. Говорили шёпотом, с постоянной оглядкой, и этот шёпот, этот всеобщий, въевшийся в самую речь этих людей страх, был красноречивее любых слов. Это был страх перед городом, перед его стенами, перед его законами и перед теми, кто за этими

стенами правит, — страх, который они впитывали с молоком матерей и который передавали своим детям, как самое ценное наследство.

Наконец, она приблизилась к воротам настолько, что смогла разглядеть стражников, и это зрелище не прибавило ей оптимизма. Их было шестеро, а может быть, и больше, ибо они постоянно двигались, сменяя друг друга. Они стояли у самых створок ворот, преграждая путь, облачённые в грубые кожаные доспехи с нашитыми на них тусклыми железными пластинами, которые при каждом движении издавали неприятный лязгающий звук. У каждого на поясе висел короткий меч, а в руках — алебарды с почерневшими от времени и запёкшейся крови древками, на которых виднелись какие-то зарубки, возможно, отмечавшие количество жертв. Лица у всех были одинаковые, словно высеченные из одного куска серого камня: обветренные, с тяжёлыми челюстями, глубоко посаженными глазами и пустыми, ничего не выражающими взглядами, в которых не было ни жалости, ни любопытства, ни даже злобы. Глаза эти смотрели на проходящих не с подозрением, а с каким-то ленивым, скучающим презрением, как смотрят на скот, который гонят на бойню, и в этом взгляде было нечто такое, от чего у Лиары по спине пробежал холодок.

Внезапно у самого входа произошло какое-то движение,

какая-то возня, которая мгновенно привлекла внимание всех, кто стоял поблизости. Лиара, приподнявшись на стременах, чтобы лучше видеть поверх голов, увидела, как двое стражников схватили какого-то человека, выталкивая его из очереди, которая, словно живое существо, мгновенно сомкнулась за ним, отрезая ему путь к отступлению. Это был мальчишка лет двенадцати на вид, худой до прозрачности, до какой-то нечеловеческой, скелетной худобы, в каких-то невероятно грязных, истлевших лохмотьях, сквозь многочисленные дыры которых просвечивала бледная, почти голубая кожа, покрытая синяками и ссадинами. Он отчаянно, но молча, с каким-то животным упорством вырывался, извиваясь всем телом, но силы были слишком неравны, и его попытки освободиться лишь раззадоривали стражников, которым, очевидно, доставляло удовольствие это неравное противостояние. Один из них, тот, что был помассивнее, с заросшим чёрной щетиной лицом, сломанным носом и маленькими, заплывшими глазками, одной рукой держал мальчишку за шиворот, так что тот едва касался земли худыми босыми ногами, беспомощно болтающимися в воздухе, а другой рукой сжимал его тонкое, хрупкое запястье с такой силой, что пальцы мальчишки побелели.

— Пустите! — хрипло, сдавленно крикнул мальчишка, но голос его тут же сорвался, превратившись в жалобный хрип. — Я ничего не сделал! Клянусь, я ничего не сделал!

Он попытался укунить стражника за руку, но получил резкий, безжалостный удар наотмашь по лицу, от которого голова его мотнулась в сторону, как тряпичная кукла, а из разбитой губы брызнула кровь, окропившая грязную мостовую алыми каплями, которые тут же впитались в серую пыль. Толпа вокруг ахнула, но тут же замолчала, отшатнувшись, как от прокажённого, и это молчание было страшнее любого крика. Все старались не смотреть, но и не расходиться, замороженные этой сценой, как кролики, загипнотизированные змеей, не способные ни вмешаться, ни отвести взгляд. Лиара же смотрела во все глаза, не в силах оторваться от этого зрелища, чувствуя, как кровь отхлынула от её лица, как сердце застучало часто и глухо, отдаваясь в висках, как в бреду. В этом городе, который должен был стать для неё убежищем, местом, где она сможет спокойно заниматься своими исследованиями, источником знаний и, возможно, ответов на мучившие её вопросы, первым, что она увидела, была жестокая, бессмысленная расправа над беззащитным ребёнком.

— Ах ты, щенок! — прорычал стражник, ещё крепче сжимая руку мальчишки, так что тот зашипел от боли, а из глаз его брызнули слёзы, которые он тщетно пытался сдерживать. — Воровать удумал? Прямо у ворот Морвена? Совсем страх потерял?

— Я не воровал! — простонал мальчишка, сплёвывая кровь, которая стекала по его подбородку. — Я ничего у вас не брал! Это моё! Мне это дали!

Второй стражник, повыше и тоньше, с крысиным лицом, бегающими глазками и редкими, сальными волосами, свисающими из-под помятого шлема, нагнулся и поднял с земли что-то, что выпало из рук мальчишки во время борьбы. Это была корка хлеба, почерневшая, каменной твёрдости, покрытая зеленоватой, ядовитого цвета плесенью, которую и собаки-то есть не стали бы. Он брезгливо, двумя пальцами, поднёс её к лицу мальчишки, почти касаясь его разбитых губ, и в этом жесте было столько презрения, столько издевательства, что у Лиары защемило в груди.

— А это что? — спросил он с издёвкой, растягивая слова, наслаждаясь своей властью. — Это, по-твоему, не воровство? Значит, небось, милостыню подали, а? Ну, ты у нас богач, я посмотрю. Такая знатная особа, и вдруг — корка хлеба. Как же ты до такого докатился, а, богатенький наш?

В толпе кто-то нервно, подобострастно хохотнул, но тут же осёкся, поймав на себе чей-то осуждающий взгляд. Остальные продолжали молчать, опустив глаза в землю, словно стыдясь того, что происходит, но не находя в себе сил вмешаться. Лиара видела, как кулаки у неё сжались сами со-

бой, как ногти впились в ладони до боли, оставляя на коже красные полукружия. Она была учёной, травницей, привыкшей к тишине библиотек и лабораторий, к обществу книг и целебных трав, а не к уличному насилию и жестокости. Но что-то в ней — быть может, та самая сталь, что была в её отце, когда он, презирая собственную нищету, отдавал последние сбережения на лечение больных, которые не могли заплатить ему ни гроша, — всколыхнулось и поднялось к горлу, требуя выхода. Ей захотелось вмешаться, крикнуть, сделать хоть что-нибудь, чтобы остановить эту бессмысленную жестокость. Но она была одна, женщина, чужачка в этом городе, и у неё не было ни денег, чтобы откупиться, ни силы, чтобы защитить этого ребёнка, ни связей, которые могли бы ей помочь. И это осознание собственного бессилия было горше, чем что-либо ещё.

Стражник со сломанным носом, не обращая внимания на крики мальчишки, которые становились всё тише и жалобнее, заломил ему руку за спину с такой силой, что послышался отчётливый, леденящий кровь хруст, от которого Лиара вздрогнула всем телом, и повалил его лицом в грязь, в самую середину зловонной лужи, образовавшейся от дождевой воды, смешанной с конской мочой. Мальчишка закричал уже не от страха, а от настоящей, нестерпимой боли, которая пронзила его худое тело, и этот крик, полный отчаяния и муки, эхом отозвался в сердцах всех присутствующих, но

никто не пошевелился. Стражник наступил ему на спину тяжёлым, подкованным железом сапогом, прижимая к земле, не давая подняться, и в этом его движении была какая-то садистская неторопливость, какое-то наслаждение своей властью над беспомощной жертвой.

— Ты у меня сейчас узнаешь, как воровать на воротах Морвена, — процедил он, наклоняясь, и голос его был тих и страшен. — Я из тебя всю дурь выблюю, щенок. Будешь знать, как у честных людей хлеб отнимать.

Он вытащил из-за пояса короткую дубинку, обтянутую потемневшей от пота кожей, и без замаха, с каким-то будничным, рутинным равнодушием, от которого веяло большим ужасом, чем от самой яростной вспышки гнева, принялся наносить удары по спине, по бокам, по ногам лежащего мальчишки. Удары были глухие, тяжёлые, каждый из них сопровождался сдавленным вскриком жертвы, которая уже не пыталась вырваться, а лишь судорожно вздрагивала под градом ударов, стараясь защитить голову руками. Толпа по-прежнему молчала, только стояла и смотрела, как стражник избивает ребёнка за украденную корку хлеба, и в этом молчании, в этом отстранённом, покорном любопытстве было что-то более страшное, чем в самой сцене насилия. Словно это зрелище было для всех привычным, как восход солнца или дождь, как нечто, что неизбежно происходит каж-

дый день и с чем бесполезно бороться, и что единственное, что можно сделать, — это постараться, чтобы на месте этого мальчишки не оказался ты сам.

Лиара отвела глаза, чувствуя подступающую к горлу тошноту, которую с трудом сдерживала. Она не могла выдерживать этого зрелища, не могла видеть, как на её глазах убивают ребёнка за кусок заплесневелого хлеба, и в то же время не могла заставить себя вмешаться. Она смотрела на серые от дождя стены, на башни Верхнего города, парящие где-то в недостижимой вышине, на мутные воды Тарны, медленно несущие свой груз к морю, равнодушные ко всему, что происходит на их берегах. Где-то там, за этими стенами, в одном из тех золочёных шпилей, возможно, сейчас пируют, наслаждаясь жизнью и не подозревая о том, что происходит у подножия их великолепия, а здесь, в грязи, избивают ребёнка, и никто не приходит ему на помощь. И этот контраст, эта непреодолимая пропасть между жизнью и смертью, между богатством и нищетой, между равнодушием и страданием, казалась ей самой сутью Морвена, его душой, если у этого города вообще была душа.

Наконец, стражник закончил, и это произошло так же внезапно, как и началось. Он пнул мальчишку напоследок ногой в бок, так что тот откатился к самой канаве, где замер в неестественной, сломанной позе, и повернулся к очереди,

которая всё это время стояла, затаив дыхание, словно ожидая приговора.

— Следующий! — рявкнул он, вытирая дубинку о грязную полу своего плаща, и голос его был столь же будничен, как если бы он только что закончил есть.

Очередь встрепенулась, как разбуженное животное, и вновь задвигалась, заволновалась, стараясь как можно быстрее миновать ворота и оказаться внутри стен, подальше от этого страшного места. Возчики засуетились, подгоняя лошадей, крестьяне поспешно полезли в свои телеги за проездными пошлинами, дрожащими руками отсчитывая медяки, паломники забормотали молитвы, а оборванцы и вовсе куда-то исчезли, растворившись в толпе, словно их и не было. Лиара подъехала к стражникам, всё ещё чувствуя, как дрожат у неё руки, сжимающие поводья, и как сердце колотится где-то в горле, мешая дышать. Она старалась не смотреть на лежащего в канаве мальчишку, но краем глаза всё же видела его неподвижное тело, и это зрелище, словно раскалённым железом, выжгло в её памяти.

Стражник со сломанным носом поднял на неё глаза, и во взгляде его не было ни искры интереса, ни тени сочувствия. Взгляд его был пуст и мутен, как вода в стоячем пруду, и в этой пустоте не было ничего человеческого.

— Цель визита? — спросил он отрывисто, и голос его был столь же пуст, как и взгляд.

— Я учёная, травница, — ответила Лиара, стараясь, чтобы голос её звучал ровно, но он всё равно предательски дрогнул, выдавая её волнение. — Прибыла по приглашению магистрата для работы в архивах и библиотеках. Вот мои документы.

Стражник сплюнул густую, тягучую слюну на землю, едва не попав на копыто её лошади, и протянул руку за документами. Она передала ему свёрнутую в трубку бумагу с печатью, которую ей выдали в канцелярии графства, и стражник долго, с тупым упорством вертел её в руках, шевеля губами, так как читать, по всей видимости, не умел, хотя и делал вид, что изучает написанное. Затем он передал бумагу своему напарнику, крысолицему, который с видом знатока прищурился, изучил печать, понюхал её, словно пытаясь уловить запах подлинности, и, наконец, вернул Лиаре, небрежно бросив:

— Проезжайте, — и махнул рукой, давая понять, что разговор окончен.

Она тронула лошадь и шагом въехала под тёмную арку ворот, и её тут же окутала прохладная, затхлая тьма, пропи-

танная запахом сырого камня и какой-то едкой гнили. Подковы звонко зацокали по каменным плитам, отдаваясь эхом от стен, и этот звук казался оглушительным в окружающей тишине. На мгновение ей показалось, что она входит в пасть гигантского зверя, и что каменные своды вот-вот сомкнутся, раздавив её. Над головой нависали массивные каменные блоки, с которых капала вода, стекая по стенам тонкими струйками, и в этом звуке падающих капель было что-то зловещее, как в тиканье часов, отсчитывающих последние мгновения. Этот короткий переход сквозь стену был похож на переход между мирами — из мира живой, хоть и унылой природы, в мир камня, дыма и людской жестокости, из мира, где ещё оставалась надежда, в мир, где её, казалось, не было вовсе.

Когда она выехала с другой стороны, её сразу поглотила городская суeta, оглушившая её своей интенсивностью. Улица была узкая, стиснутая с двух сторон высокими фахверковыми домами, чьи верхние этажи так нависали над мостовой, что между ними едва можно было разглядеть узкую полосу серого неба, которая казалась не более чем трещиной в каменном своде. В воздухе стоял невообразимый шум, состоящий из тысяч различных звуков, сливающихся в единый, оглушающий гул: крики разносчиков, расхваливающих свой товар, ржание лошадей, скрип несмазанных тележных колёс, визг свиней, которых гнали на рынок, обрывки разговоров, смех, плач, ругань. Запахи были ещё отвратительнее, чем

снаружи, и казались почти осязаемыми: кислая вонь помоев, выплеснутых прямо на мостовую, запах мочи и гниющих отбросов, смешанный с пряными ароматами жарившегося на углях мяса и какими-то резкими, незнакомыми благовониями, доносящимися из-за дверей храмов.

Лиара медленно продвигалась в этом хаосе, стараясь не потерять направление и не привлекать к себе лишнего внимания. Она искала дорогу к постоялому двору, который ей рекомендовал отец, — тихое место у реки, вдали от злачных кварталов, где, по его словам, можно было спокойно остановиться. Но чем дальше она ехала, тем сильнее ощущала, что весь Морвен — это один гигантский злачный квартал, в котором нет места тишине и покою, где за каждым углом таится опасность и где нельзя ни на мгновение ослабить бдительность. Люди здесь двигались иначе, чем в её родном городке, — быстрее, резче, с какой-то затравленной, нервной энергией, словно за каждым из них гналась своя собственная тень. Лица у них были бледные, измождённые, глаза — колющие, недоверчивые, бегающие. Каждый, казалось, боялся каждого, и в этом всеобщем страхе было что-то парализующее. Здесь жизнь стоила дёшево, а смерть была привычной соседкой, с которой все давно смирились и которую старались не замечать, чтобы не сойти с ума.

Она проезжала мимо открытых дверей таверны, из кото-

рой вывалились двое пьяных, сцепившихся в драке, и их ругань смешивалась с криками зевак. Мимо лавки менялы, у дверей которой, лениво зевая, стоял вооружённый до зубов охранник с алебардой на плече. Мимо квартала, где из каждого окна свешивалось яркое, кричащих цветов тряпье, а на порогах домов стояли женщины с измождёнными, густо накрашенными лицами и вызывающе обнажёнными плечами. Они окликали прохожих хриплыми голосами, зазывая внутрь, но взгляды их были пусты и равнодушны, как у кукол, и в этих взглядах не было ни желания, ни жизни, ни надежды. Она видела нищих, калек, слепых, лежащих прямо на грязных камнях мостовой, протягивающих к ней изуродованные, покрытые язвами руки, и их мольбы о милостыне звучали, как заученные молитвы, давно утратившие всякий смысл. Она видела детей, таких же, как тот мальчишка у ворот, с ввалившимися от голода глазами и тонкими, как спички, ногами, шныряющих в толпе, выискивая зазевавшихся простаков, у которых можно вытащить кошелёк или отнять кусок хлеба.

И над всем этим, над этим морем нищеты и отчаяния, над этой клоакой, кишащей всеми пороками человечества, в вышине, словно недостижимый мираж, сияли золотом шпили Верхнего города. Они были видны отовсюду, из любой точки нижних кварталов, — постоянное, мучительное напоминание о том, что есть жизнь иная, о том, что счастье и богатство

существуют, но отделены от тебя не просто стеной, а целой бездной, непреодолимой пропастью, перебраться через которую дано лишь немногим избранным. Эти шпили, холодно поблёскивающие в редких лучах солнца, которое изредка пробивалось сквозь плотную завесу туч, казались насмешкой, издёвкой над теми, кто ютился в грязи у подножия холма, и эта издёвка была горше самой страшной жестокости.

Небо над Морвеном, казалось, никогда не прояснялось, и это было ещё одной отличительной чертой этого проклятого города. Тучи висели низко, тяжёлые, пропитанные влагой, затягивая город в сумерки даже в середине дня, когда солнце, по идее, должно было стоять в зените. Воздух был влажным и холодным, пробирающим до костей, забирающимся под одежду и оседающим на коже липкой испариной. С реки поднимался липкий, серый туман, который стелился по улицам, забирался в подворотни, окутывал дома, искажая очертания предметов и делая всё вокруг зыбким и нереальным. Морвен словно задыхался под этим свинцовым куполом, погружённый в вечный промозглый полумрак, в котором блекли все краски и умирали все надежды, в котором даже самый яркий свет казался тусклым и болезненным.

Лиара нашла нужный постоянный двор уже к вечеру, когда сумерки окончательно сгустились, а туман стал настолько плотным, что она едва различала дорогу перед собой. Он

стоял в тупике у самой реки, в стороне от главных улиц, старый деревянный дом с покосившейся трубой и окнами, затянутыми мутными, исцарапанными стёклами. Хозяин, хмурый старик с подслеповатыми глазами и лицом, изборождённым глубокими морщинами, встретил её настороженно, но, увидев монеты, которые она выложила на стол, смягчился и сдал ей крошечную каморку под самой крышей, где из мебели были только узкая, скрипучая койка, колченогий стол, заваленный чьими-то старыми бумагами, и сундук, обитый ржавыми железными полосами. Из окна открывался вид на мутные воды Тарны, медленно катящиеся к морю, унося с собой разный мусор: щепки, солому, какие-то тряпки, обломки мебели. В сумерках река казалась расплавленным свинцом, а звук её течения был похож на тихий, бесконечный стон, доносящийся из самых глубин земли.

Она поставила свои дорожные сумки в угол, сняла промокший от сырости плащ и села на кровать, чувствуя, как гнетущая усталость наваливается на плечи, словно тяжёлое одеяло. Перед глазами её всё ещё стояла сцена у ворот: сломанная рука мальчишки, его крик, глухие удары дубинки, и это молчаливое, безразличное лицо толпы. Это был первый образ Морвена, который она получила, и он намертво отпечатался в её сознании, как отпечатывается клеймо на коже раба.

Она подумала о письме, которое привело её сюда. Официальное, сухое письмо, подписанное канцлером, в котором ей позволялось работать с библиотекой и архивами «во имя процветания наук и искусств». Письмо это казалось насмешкой, издевательством, фальшивкой, созданной для того, чтобы заманить её в ловушку. Какие искусства? Какие науки? Разве кто-то здесь, за этими стенами, думает о науках, когда у ворот города избивают ребёнка за корку хлеба, когда люди живут в грязи и нищете, а смерть собирает свой урожай каждый день?

Но она знала, зачем приехала. Не только ради фолиантов, не только ради древних манускриптов, которые, как шептались в учёных кругах, хранятся в Морвене и содержат знания, давно утраченные человечеством. В этих фолиантах, в этих древних трактатах, в этих пыльных, забытых всеми книгах она надеялась найти ответ. Ответ на то, что мучило её с самой смерти отца, не давая спать по ночам и преследуя её во снах. Его предсмертный бред, его лихорадочные, бессвязные слова о какой-то «Маске Смерти», о древнем знании, способном как исцелить, так и погубить, о некоем артефакте, который, по его словам, находился где-то в Морвене. Слова эти он произносил в полузабытьи, смешивая их с молитвами и проклятиями, и она не знала, было ли это лишь горячечным видением, порождённым болезнью, или за ними скрывалось что-то реальное. Что-то, что он нашёл и о чём не

успел рассказать ей, что-то, что стало причиной его смерти.

Теперь, глядя на серую, грязную реку и на шпили Верхнего города, тонущие в тумане, она чувствовала, что этот город хранит куда больше тайн, чем она могла себе представить. И что тайны эти, возможно, так же мрачны и жестоки, как и его лик, встретивший её у ворот. Она чувствовала, что Морвен не просто город, а живое существо, обладающее своей волей и своими намерениями, и что она, войдя в его пределы, стала частью его замысла, какой бы этот замысел ни был.

В каморке было холодно и сыро, и холод этот, казалось, проникал сквозь стены, сквозь пол, сквозь саму её кожу, добираясь до самых костей. Она зажгла единственную свечу, которую нашла на столе, и её робкий, дрожащий огонёк, отбрасывающий причудливые, пляшущие тени на стены, был единственным живым существом в этом месте, единственным источником тепла и света в этой промозглой тьме. Лира долго сидела, глядя на пламя, гипнотизируя себя его мерцанием, пока веки её не отяжелели, а мысли не начали путаться. Усталость, наконец, взяла верх, и она, задув свечу, легла, не раздеваясь, укрывшись своим дорожным плащом вместо одеяла, которое отсутствовало. Завтра её ждала встреча с канцлером и первый день в библиотеке, этом лабиринте знаний, в котором, как она надеялась, скрыт ключ к разгадке, и эта мысль была единственным, что удержива-

ло её от отчаяния. Но сон не шёл, и она долго ворочалась на жёсткой койке, прислушиваясь к звукам просыпающегося для ночной жизни города. В тишине комнаты, сквозь тонкие стены, было слышно, как где-то внизу, в темноте, капает вода, и этот звук был похож на тиканье часов, отсчитывающих последние мгновения до чего-то страшного. И, засыпая, Лира не могла отделаться от чувства, что Морвен уже смотрит на неё из темноты, изучая свою новую жертву, и что все её надежды и планы — не более чем иллюзия, которая развеется при первом же столкновении с реальностью этого проклятого города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.